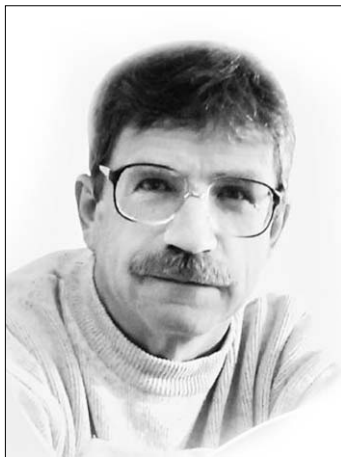

ВЛАДИМИР ВОЛКОВЕЦ

С ПОКАЯНИЕМ — К ДОМУ...

ЮГРА

На коленях туман расстелив,
Ты поёшь о любви и тревоге,
И вплетаются в ясный мотив
Хвойный лес, вековые дороги
И зелёных дождей перелив.
А в орнамента древнюю вязь
С молчаливой любовью к природе —
Обь-река, птица стерх, рыба язь,
Голубица на ближнем болоте
И к оленям исконная страсть.
Жить бы мне на уголье твоём,
Чтить людей за добро и отвагу,
За тепло и приветливость — дом,
За весёлую чуткость — собаку
И винтовку за правым плечом.

ГУМАНОИДЫ

Не опознаны, не поняты
В перестроенной стране,
Что-то часто гуманоиды
Попадаться стали мне.

ВОЛКОВЕЦ Владимир Михайлович родился в Удмуртии, закончил Литературный институт. Автор десяти поэтических сборников. Член СП России с 1988 года. Живёт в г. Советский (ХМАО-Югра).

В меру бриты и ухожены,
Под очками пряча взгляд,
Быть обычными прохожими
Гуманоиды хотят.

И примерным поведением
Намекают, чтобы их
В наших людных заведениях
Принимали за своих.
И вина не пьют ни капельки,
Чтоб по пьяни не сболтнуть,
Из какой они галактики
И как долог Млечный Путь.

Но повадки иноземные
Не укрыть им всё равно:
То уступят место женщине
В переполненном метро,
То заступятся за слабого,
То помогут перейти
Через улицу Курчатова
Деду с внуком лет пяти;

То спасут из дыма бабушку
С перепуганным лицом,
То украденную лампочку
Вам заменят над крыльцом;
То в музее, то на выставке,
То возьмутся отыскать
То ли в Туле, то ли в Витебске
Близнецам родную мать;

То туристу иностранному
Простодушно объяснят,
Как пройти к Святому храму,
Съездить в Сергиев Посад...
То псалмы поют на английском,
То божью дадут займы...
В остальном они такие же
Человеки, как и мы.

ОСЕННИЙ ДЫМ

Тени шикуют в заплатах,
Сброшенных березняком.
Рябь на речных перекатах
Тонко разглажена льдом.
Или дождём остограмлен,
Или напуган снежком,
Дым с огородных окраин
Катится в лес кувырком,

То расклубится, то прянет
В рожу — аж слёзы из глаз!
В роще от запаха станет
Сумрачно-горько тотчас.
Дымом и город подкрашен.
Дремлет пожарный расчёт...
Долго живу во вчерашнем,
Позавчерашнем ещё...

Помню медовую горечь
Мягких объятий и губ,
Жесты прощания, то есть
Поезд на Санкт-Петербург.
Держит с ранимым наивом
Прошрое душу мою,
Будто сосну над обрывом,
На одиноком краю.

ЗОЛОТОЕ ПОЛЕНО

И свистит, и поёт, и стреляет
Золотое полено в костре.
Кто его положил, верно знает,
Как угрюма тоска в ноябре.

И невольню мы повеселели,
Снова чай на троих кипятим.
Оживились замшелые ели,
Отгоняя назойливый дым.

А наутро беспомощно-редким
Стал огонь на останках седых.
И не помним, а кто же был третьим
Среди нас — одиноких, двоих.

СТАРЫЙ ДОМ

Через лес под дождём,
Морозящим и нудным,
Шел и чувствовал — дом
Будет днём моим судным.
Сколько лет впопыхах,
Охладев к перепискам,
Закрутился в делах,
Не заглядывал к близким...

Дождь сугробы изгрыз,
Истончил так, что вижу
Ребра шиферных крыш,
Лужи лунную линзу,
Богатырскую плешь
Косогора... Не сразу
Отряхну морось с плеч
И с волнением слажу.

Старый ржавый топор,
Что был всажен в лесину...
Вытащить до сих пор
Никому не под силу.
И взойду, как привык
По ступеням, по стону
Ветхих плах вековых,
С покаянием к Дому.